

Газета «Московский Комсомолец»

1 декабря 2016 г.

<http://www.mk.ru/economics/2016/12/01/vedushhie-ekonomisty-nazvali-tri-glavnykh-provala-rossiyskogo-gosudarstva.html>

Ведущие экономисты назвали три главных провала российского государства

Руслан Гринберг и Александр Рубинштейн: «Мы построили рыночную, но асоциальную и примитивную экономику»

Российские ученые-экономисты нечасто удостоиваются международных научных премий. Чаще они достаются теоретикам из западных стран, имеющим вековой опыт осмысления рыночной экономики. Однако не так давно тандем российских экономистов — члена-корреспондента РАН Руслана Гринберга и руководителя научного направления «Теоретическая экономика» Института экономики РАН Александра Рубинштейна — получил премию Итальянского института политических, экономических и социальных исследований (EURISPES) за цикл работ по экономической теории современного государства. «МК» поговорил с лауреатами не только об их теоретических концепциях, но и о том, как они реализуются на практике.

— Высокую оценку европейского научного сообщества получила ваша концепция «Экономической социодинамики» и «Теории опекаемых благ». Можно ли перевести их суть с научного языка на общедоступный?

— Речь идет о наших исследованиях в области экономической теории современного государства. Результаты нашей работы попали буквально в резонанс с проблемами, которые стоят перед европейской наукой: экономисты, социологи, политологи, юристы заняты поисками современной модели государства. В этом смысле наша теория отвечает на ряд фундаментальных вопросов, относящихся к вечной теме взаимоотношений рынка и государства. И даже если уйти от стандартного сюжета об избыточном вмешательстве государства в экономику, а в нашей стране оно явно зашкаливает, то и в тех случаях, когда оно необходимо, возникает вопрос, насколько его действия являются оправданными. Наши европейские коллеги высоко оценили сформулированный в этой теории общий подход к экономическому анализу государства, которое, к сожалению, далеко не всегда способствует росту благосостояния людей.

— Александр Яковлевич, в чем состоит этот подход и как ваша теория объясняет неудачи государства?

— Не надо думать, что все дело в конкретных людях, находящихся у власти. Кроме стандартных «провалов рынка» (наличие монополии, экстерналий, информационной асимметрии), на устранение которых направлена госактивность, есть и другие обстоятельства, вызывающие потери благосостояния.

Как завещал Адам Смит, все должны действовать рационально, то есть стремиться к росту своего благосостояния. Современная теория нарушает этот принцип, люди ведут себя часто нерационально. В этом состоит «поведенческий провал».

Наш вклад в экономическую теорию государства связан с фиксацией «поведенческого» провала и совершенно новой трактовкой иррациональности. Поведение людей иррационально лишь с точки зрения другого участника экономических отношений — «патера», в данном случае государства, у которого могут быть свои представления о том, «как должно быть».

Такая трактовка нерациональности приводит к еще одному феномену, к возможности «патерналистского провала», причиной которого является ошибочность установок самого государства. Речь идет об отказе от традиционной парадигмы «благотворящего государства» в пользу гипотезы о его патерналистской активности, чреватой рисками потери благосостояния из-за ошибочности принимаемых решений. В качестве примера здесь можно привести реформирование нашей экономики в последние 25 лет, которое представляет собой череду патерналистских провалов.

— То есть в основу вашей теории легли реальные процессы, происходящие в России. Руслан Семенович, и насколько же «провально» оказалось наше государство?

— Есть такой макроэкономический показатель, как государственная квота, — это соотношение расходов государственного бюджета к ВВП. В успешных странах — лидерах по сформированному в ООН индексу человеческого развития — этот показатель составляет ныне 47–50% и выше, что однозначно указывает на действие в этих странах мощных перераспределительных процессов и во многом объясняет тот факт, что средний класс здесь составляет более двух третей населения. В России же показатель государственной квоты фиксируется на уровне 35–37%, что, казалось бы, должно свидетельствовать о нашем преимуществе с точки зрения реализации принципов экономической свободы. На самом деле все наоборот. Государство привыкло вмешиваться туда, куда не надо. Оно, по замечанию Дмитрия Медведева, «кошмарит» бизнес и не участвует там, где надо, то есть хронически недофинансирует здравоохранение, культуру, образование и науку. Под безобидным лозунгом «даешь структурные реформы» оно с маниакальным упорством стремится продолжить коммерциализацию всех этих сфер. В результате вольно или невольно в стране формируется порядок, противоречащий конституционной норме о России как социальном государстве и принципам социального рыночного хозяйства.

— Какие конкретные примеры «провалов государства» за весь период существования постсоветской России можно привести?

— Я назову самые, на мой взгляд, системные среди них — то есть те, что подрывают устойчивость последующего экономического развития на долгие годы вперед. В нашем случае обществу приходится расплачиваться за них и по сей день. Едва ли не самый шокирующий экономический

провал государства за последние четверть века — деиндустриализация страны. Радикальное дерегулирование и стремительное открытие советской централизованной экономики привели к значительной примитивизации ее структуры и существенной зависимости хозяйственной динамики от экспорта топливно-сырьевых отраслей и избыточного импорта готовых изделий и продовольствия. Соответственно, по доле готовой продукции в общем объеме товарного экспорта РФ заметно уступает как развитым, так и многим развивающимся странам. По данным ВТО, на протяжении последних лет этот показатель по России составляет только 20%, тогда как у Канады — 45%, Великобритании — 69%, Китая — 94%, Мексики — 78%, Индии — 62%, Бразилии — 33%. В результате угроза вхождения страны в зону «технологического захолустья» остается актуальной.

Другой провал — отечественный способ приватизации госсобственности. Фатальная ошибка в том, что состоялась передача в частную собственность предприятий ТЭК и проданы они были по скандально низким ценам. Результат — усугубление бюджетных проблем и неприятие обществом итогов приватизации.

Явный провал — несостоятельность госполитики регулирования доходов населения и формирования среднего класса. Чрезмерное равенство личных доходов россиян при социализме обернулось их явно избыточным неравенством в условиях системной трансформации. При этом средний класс даже в лучшие времена не превышал 20% от населения страны, а в последние три года уменьшился до 15–17%. В странах с высоким уровнем жизни, например в Норвегии, средний класс составляет 80% населения. В результате мы столкнулись лишь с расширением зоны бедности и консервацией экономического застоя вследствие сокращения потребительского спроса.

— Александр Яковлевич, а что мешает воплотить теории в жизнь и оздоровить экономику, уменьшить или вовсе устранить «патерналистские провалы», приводящие к потерям благосостояния и ухудшению жизни?

— У нас в стране, к сожалению, не умеют договариваться, нам чужды понятия компромисса и консенсуса. Поэтому главная проблема — это отсутствие реального уважительного диалога между людьми с разным мировоззрением. Организовывать этот самый диалог и участвовать в полемике должна власть, но бессмысленно вести диалог с подданными, а не с гражданами. Отсюда вытекает насущная необходимость в ускорении становления гражданского общества, которое в силу разных причин социокультурного характера формируется в России слишком медленно. Но даже в нашей нынешней ситуации остро необходима демократизация самой процедуры принятия политических решений, в том числе и в области экономической политики. Словом, создание демократических механизмов, ограничивающих произвол власти, включение в процедуры принятия решений гражданского общества — это одна из самых актуальных научных задач, имеющая большое практическое значение. Главное здесь — постоянно учитывать базовый принцип демократии: «люди, которых затрагивают те или иные политические решения, должны иметь возможность участвовать в процессе их принятия».

Исходя из этого принципа, в нашей теории предложены конкретные рекомендации, относящиеся, в частности, к процессу распределения бюджетных средств. Речь идет о целесообразности института «вето» в качестве обеспечения прав парламентского меньшинства в условиях конституционного большинства партии власти. При наличии этого института, скорее всего, не были приняты законы, недружественные по отношению к образованию, науке, культуре и здравоохранению. Положительную роль здесь может также сыграть институт «нулевого чтения», охватывающий, скажем, не более 90% расходов бюджета, и предоставляющий оппозиционным партиям инклюзивное право в последующих чтениях дополнять эти расходы (не более 10%) в соответствии с их программами. Наконец, мы предлагаем использовать институт индивидуальных бюджетных назначений, обеспечивающий участие граждан в управлении бюджетными расходами — предоставление возможности каждому налогоплательщику, исходя из его собственных предпочтений, распределять небольшую часть уплачиваемого им подоходного налога на финансирование проектов в области науки, культуры, образования и социальной сферы.

— Трудно поверить, что все эти рекомендации будут реализованы на практике...

— Вы знаете, в них нет ничего несбыточного. Во многих странах уже действуют близкие по содержанию механизмы, обеспечивающие улучшение принимаемых решений. Это цивилизационный тренд, что доказывает признание результатов наших исследований европейским научным сообществом.

— Экономику России часто называют переходной. Когда завершится этот переход к экономике рыночной?

— Перефразируя слова известной советской песни о революции, скажу так: «Нет у трансформации начала, нет у трансформации конца». Россия, похоже, всегда находится в переходном состоянии. А если серьезно, я считаю, что мы уже построили рыночную экономику, но она асоциальная, плутократическая и примитивная. К тому же такая экономика характеризуется скандальным расслоением в обществе. Но все это не отменяет того факта, что она все-таки рыночная.

Инна Деготькова